

Время 90-х сквозь призму повседневных практик: молодые профессионалы

DOI: 10.19181/inter.2019.18.6

Виктория Семёнова*

Статья ретроспективно рассматривает ситуацию 1990-х годов с позиции повседневных практик того времени. Специфика социального контракта изучаемого периода понимается как разрушение предшествующей модели и отсутствие на практике новых нормативов, анализируется состояние социальной неопределенности по отношению к работникам массовых профессий («смутное время»). Социальный вакуум (или хаос) со стороны социального регулирования стихийно приводил к появлению новых образцов социального поведения, которые в статье представлены как типологические кейсы трудовых стратегий молодых профессионалов, конструировавшихся как «низовой» ответ на состояние социальной неопределенности. Они представлены здесь как типовые стратегии, в понятиях использования/неиспользования изменений в социально-исторической ситуации, и условно обозначены и описаны как: стратегия «социального шанса», стратегия иммобильности, конфликтная стратегия и стратегия «неформальных правил», которые в дальнейшем привели к более массовым формам социальной дифференциации в профессионально-трудовой сфере. Эмпирической базой для рассмотрения и анализа послужили данные глубинных интервью, проведенных в 1994–1995 гг. с представителями этой когорты как непосредственными участниками тех процессов, а также ретроспективные интервью о том времени с представителями той же когорты в 2017–2018 гг.¹

* Семёнова Виктория — доктор социологических наук, профессор, руководитель сектора исследований социальных изменений качественными методами Института социологии ФНИСЦ РАН, e-mail: victoria-sem@yandex.ru

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина» в рамках проекта «Социальная история России (1990-е годы)».

Ключевые слова: социальный контракт, социально-историческая ситуация, молодые профессионалы, социальные практики, стратегии выбора

Временное пространство 90-х с точки зрения социального контракта можно рассматривать в трех плоскостях: а) как время инерционного циклического воспроизводства старого общественного договора, выстроенного как вертикальный контракт (Аузан, 2005); б) как смутное, переходное время отсутствия какого-либо социального порядка, время беззакония и неопределенности и функционирования стихийных нормативов, не подлежащих государственному регулированию (мафиозных сил); в) как время зарождения новых социальных акторов и «примеривания» к ним нового типа общественного договора. Скорее всего, это процесс одновременного сосуществования всех трех названных процессов, но происходящих в разных социальных средах. Поэтому цель данной публикации — рассмотреть формы отражения данных процессов общесоциального уровня в реальных практиках низового уровня, которые дифференцированно проявлялись в разных социальных контекстах того времени. Для подобного рассмотрения будем опираться на данные глубинных интервью с молодыми профессионалами, проведенных в те годы (1994–1995 гг., 20 интервью) (Семенова, 2009), и на ретроспективные данные, полученные в ходе реализации проекта «Социальная мобильность...» в 2016–2018 гг. (40 интервью, проведенных по единой схеме биографического интервью)².

Социальный контекст зарождения нового общественного договора

Согласно теориям социального контракта³, первоначальным формальным документом, который определяет сущность социальных отношений на глобальном уровне, а также задает ориентиры для повседневных практик на уровне массового поведения, является Конституция. Но российская Конституция 1993 г. оказалась, по выражению президента Института национального проекта «Общественный договор» А. А. Аузана, своеобразным «юридическим феноменом» (Аузан, 2005), поскольку принималась не так, как многие другие конституции, а в ситуации незавершенности общественных дискуссий, фактически, в ситуации чрезвычайного положения после расстрела парламента в октябре 1993 г. и конституционного кризиса. Вместе с тем, конституционный проект постулировал не только принципы,

² Интервью проводились по единой методике биографического интервью: одним из фокусов исследовательского интереса была мотивационная составляющая индивидуального отношения к своей профессиональной карьере, а также информация об ее изменении в понятиях событийного анализа. Подробнее см. (Семенова, 2009).

³ Более детальный методологический подход к использованию понятия «социальный контракт», или «общественный договор», для целей данного исследования см. в статье Е. Ю. Рождественской в этом же номере журнала.

общие ориентиры для формирования взаимоотношений государства и общества, но и конкретные нормы, касавшиеся самых острых в тот период проблем, и, прежде всего, легализовал институт частной собственности (Краснов, 2014), что привело к появлению и расцвету кооперативов и частных предприятий. Этот аспект особенно важен для нашего дальнейшего рассмотрения социальных практик в сфере трудовых отношений, так как именно это создало возможность выбора для рядовых граждан: оставаться в сфере влияния традиционного государственного трудового контракта или переходить в частный бизнес в статусе владельца или наемного работника частной сферы труда.

Но социально-историческая ситуация принятия Конституции была достаточно противоречивой, что не могло не сказаться и на практиках ее реализации. С одной стороны, «фактические отношения силы», хотя и менялись, но еще не изменились настолько, чтобы можно было их зафиксировать конституционно: еще сохранялись идейно-политическая монополия партии, плановая экономика, иерархичная система управления. Эти «несущие конструкции» советского типа власти, конечно, уже подверглись сильной эрозии, но все еще существовали (Краснов, 2014). Как свидетельствуют эксперты, конституции, рожденные по такому сценарию, обычно не объединяют, а разъединяют общество, да и само их качество, в части организации публичной власти, низкое (Краснов, 2014). С другой стороны, все меры, направленные на обновление позднесоветского контракта в начале 90-х, вследствие экономических и политических реформ, были направлены властными структурами, прежде всего, на установление отношений с новыми социальными агентами, такими как: олигархи, крупный и средний бизнес, гражданское общество. Но новые социальные агенты, которые на практике могли бы примерять к себе новые формальные правила, еще только складывались (Аузан, 2005). А «старые», позднесоветские массовидные социальные агенты, большинство которых составляли госслужащие (интеллигенция и рабочий класс), оказались *вне* нового социального договора, хотя и старый конструкт, построенный на принципе вертикальной подчиненности, уже оказался разрушен (Аузан, 2005). К тому же, этот социально-исторический период, как известно, сопровождался тяжелыми экономическими процессами: всплесками инфляции, снижением инвестиций, бартеризацией экономики, уменьшением доходов населения и многими другими негативными явлениями. В результате, для массовых групп госслужащих возникла ситуация социальной неопределенности, отягченная финансовыми трудностями в стране: массовые невыплаты зарплат, увольнения, тяжелые экономические условия (Гордон, Клопов, 2001).

Поэтому массовые группы госслужащих надолго оказались вне зоны действия нового, становящегося договора, находясь, скорее, в зоне притяжения старого, позднесоветского нормативного порядка и ожидая его исполнения, — потому что и испытывали (и до сих пор испытывают) ностальгию

по предшествующему социальному контракту. В данном случае, мы рассматриваем социальный контракт вне сферы собственно политических изменений, а говорим о его «приложении» в сфере социальных реформ (сфере труда, образования, социальной жизни) и, прежде всего, в сфере трудовых отношений, в рамках которых этот контракт реализуется в поведенческих стратегиях трудовых агентов. Нас интересует, как легализация частной собственности на государственном уровне привела к появлению новой трудовой ситуации и предоставила массам социальный шанс изменить свой трудовой статус путем перехода с государственного предприятия на частное.

Целью данной статьи является выстраивание типологии социальных «ответов» на ситуацию социальной неопределенности 90-х годов, в результате которых формировались определенные профессионально-трудовые стратегии совладания с ситуацией социальной неопределенности. При этом мы ограничили временные рамки рассмотрения ситуации 90-х их первой половиной: 1990–1995 гг., поскольку как раз первая половина десятилетия была наиболее неопределенной и противоречивой с точки зрения функционирования социального контракта, где переплетались советские и постсоветские практики социальной и профессиональной жизни после принятия новой Конституции. Изучение российского общества начала 90-х, которое квалифицируется в понятиях трансформирующегося, изменяющегося без определенного вектора движения, с множеством возможностей, зависящих от потенциалов, интересов и действий разноуровневых акторов, и даже случайных факторов, предполагает обращение к методологическим подходам, которые учитывают, прежде всего, активную роль самого индивида, самостоятельно вырабатывающего различные стратегии трудового поведения на основе своего ресурсного капитала (Темницкий, 2002). Следуя этому подходу, мы и фокусируемся на рассмотрении отдельных профессиональных «выборов» как кейсов, демонстрирующих разнонаправленные субъективные позиции и поведенческие предпочтения как «ответы» профессионалов-специалистов на «смутную» социальную ситуацию того времени. При этом подобные стратегии не следует рассматривать с точки зрения противопоставления «старых», нерациональных форм поведения «новым», рациональным, но, скорее, с точки зрения одновременного осуществления различных типов рациональности без «наклеивания им оценочных ярлыков» (Темницкий, 2002).

Методические основания проекта

Для дальнейшего анализа отобранны, в первую очередь, ретроспективные данные о профессиональных стратегиях изучаемого периода, полученные в ходе глубоких интервью биографического типа с представителями возрастной когорты теперешних 45–55 летних. Это профессионалы, работающие в разных отраслях экономики частного и государственного

секторов, специалисты с высшим образованием, которые в 90-е годы начинали свой трудовой путь в качестве молодых специалистов.

Интересующая нас тематика интервью, ставшая основой для ретроспективного анализа профессиональных выборов и стратегий этой группы, складывалась из двух тем:

- ретроспективное описание ситуации и событий собственного социального и профессионального выбора в начале своей карьеры — в 90-е годы;
- сравнение собственной стратегии по отношению к родительской в позднесоветское время.

Такой фон субъективного межпоколенного сравнения позволил вычленив в ответах, прежде всего, специфические черты данного периода по отношению к предшествующему, позднесоветскому, хорошо знакомому и привычному респондентам по их детскому и юношескому опыту в рамках родительской семьи.

Кроме этого, дополнительной базой служили данные глубинных интервью, проведенных в 1994–1995 гг. с тогдашними молодыми профессионалами 25–30 лет. Эта когорта состояла, в основном, из представителей инженерных и гуманитарных специальностей. Вторичный анализ таких интервью проходил по следующим темам:

- социальный и профессиональный выбор на начальном периоде своей карьеры (90-е годы);
- ретроспективная оценка образа жизни и профессиональной карьеры родительского поколения (позднесоветский период).

На примере типичных индивидуальных стратегий возможно ретроспективно реконструировать неформальные правила и реальные трудовые практики их реализации, о которых рассказывалось тогда, по свежим следам, в режиме реального времени.

Страта профессионалов была избрана как объект, поскольку в сравнении с другими группами госслужащих эта группа обладала большими компетенциями и ресурсами (например, наличие специальных знаний, высшее образование, наличие языковых компетенций), а следовательно, и возможностями конвертировать полученный до того капитал и достаточно осознанно и самостоятельно выстраивать трудовые стратегии в той сложной социальной ситуации. Ретроспективно оценивая их жизненные и трудовые стратегии «тогда», можно также выявить те тенденции, которые впоследствии сформировали более массовые противоречия и конфликты нового, нарождающегося социального контракта: например, расхождения в уровне материального благосостояния или социальной защищенности профессионалов, работающих на частных предприятиях и на государственных.

В данной статье в качестве информационной базы для наглядности представлены отрывки из отдельных интервью, которые наиболее выпукло характеризуют ту или иную позицию и на которых выстраивается дальнейшая концептуализация относительно той или иной стратегии.

Утраченный нормативный порядок взаимодействия с государством

Стартовой точкой в описании ситуации первой половины 90-х могут стать субъективные оценки общей социальной ситуации того времени в сравнительной перспективе относительно предшествующего периода, т. е. ситуации позднесоветского социального порядка. Согласно проведенным интервью, старый, утраченный порядок социального взаимодействия населения с государством как работодателем и гарантом прав воспринимается по принципу «от противного»: «что мы потеряли» — как утраченная модель стабильности, «нормативной упорядоченности», при которой жизненные ориентиры были четко прописаны на государственном уровне и воспринимались на уровне практик как «должное, требующее неукоснительного исполнения». Ее основные составляющие: оценка индивидуального трудового вклада в соответствии с определенным «рангом» и статусом во властной вертикали; распределительная система потребления «благ»; нормативно оговоренный характер «взаиморасчетов» с властью на уровне минимального прожиточного минимума. Устойчивый, обязательный характер взаимодействий «власть/общество» впитывался массовым сознанием как должное уже на уровне ранней социализации. Один из респондентов так описывает эту утраченную модель социального контракта:

«Ну, мы росли в Советском Союзе. Там жизненный план был предначертан. То есть, ты все равно где-нибудь выучишься, все равно пойдешь куда-нибудь работать, потом пойдешь на пенсию, потом умрешь — ну, все понятно! Вся жизнь была распланирована до с... У моих родителей жизнь была стабильна, узаконена и упорядочена» (М., 50 лет, предприниматель, интервью 2017 г.).

Эти характеристики «упорядоченности, стабильности, узаконенности» в массовых характеристиках социального контекста позднесоветского периода лексически прямо противопоставлены нарождавшимся в 90-е постсоветским принципам организации социальной жизни как не-стабильности, не-нормативности, хаоса. Противопоставительный дискурс, в данном случае, связан, скорее, с селективной функцией памяти, когда в речи говорящих о прошлом спонтанно отбираются и актуализируются те аспекты «прошлого», которые наиболее актуальны с позиции «настоящего» (Oakeshott, 1983): в данном случае, детские воспоминания о «стабильности» воскрешены в памяти благодаря сопоставлению с неорганизованностью, неопределенностью последующего периода жизни (все было распланировано versus ничего планировать невозможно).

«После 91-го года началась смута, реальная смута для этих людей (родительского поколения — В. С.). Для людей другого поколения, как мой отец, они... они не могли отойти от шока. ... Принципы?... Ну, скажем так,

принцип был такой: мы живем совершенно в волчьей стае, и, если раньше действовали такие... ну, например, если брать партийную сферу, то были некоторые законы, которые выполнялись, и так же, например, закон чести, то время 90-х — это отсутствие каких-либо принципов и каких-либо обязательств и все, что с ними связано. То есть, каждый за себя, каждый грызется, каждый толкается локтями и прет. ...Люди столкнулись с проблемой, что у тебя могло быть десять образований, но ты не значил ничего. Довольно-таки долго так было, только позже, вот, начался возврат... С 91-го года образование вообще не котировалось, поэтому столько людей уехало. Именно поэтому. Мозги не ценились вообще. Ценилось что? Ценилось умение приспособиться, такая изворотливость, пронырливость. Причем именно все те качества, которые изначально подавались с минусом, с негативом» (М., руководитель, 52 года, интервью 2017 г.).

В массовом сознании позднесоветская модель стабильности и предопределенности (определенные нормы и законы) противопоставлялась постсоветской модели начала 90-х не только как состоянию социального «хаоса» и «смуты», но и как, своего рода, «антиценности» в сравнении с «советскостью» в том, что касалось образования и роли интеллекта, а также предельной аномии, культу индивидуализма, ценностей анархического толка («волчья стая», «умение приспособиться», «изворотливость») — в сравнении с коллективизмом и «ориентацией на интеллект» советского периода.

Вследствие отсутствия формального договора, в отношениях «власть/общество» возникали отдельные зоны неформальных правил, близких к мафиозным. Неформальные правила возникали снизу и различались в разных социальных нишах, но при этом стихийно, снизу порождали дальнейшие пути приспособления к новому социальному контракту и на более высоких уровнях, как это всегда имело место в подобные, смутные исторические периоды. Процесс зарождения новых стихийных норм социального порядка представляет интерес с точки зрения развития дальнейших тенденций: что внесли эти низовые потоки в дальнейшее становление нового социального контракта, в закрепление новых социальных практик?

«Мы жили во вседозволенности. Это было очень здорово. Мы понимали, что раньше мы так не смогли бы. Я попал (в институт — В. С.) в 91-м году, когда отменили некоторые предметы: научный коммунизм, основы марксизма-ленинизма и т. д. А тут, мы, молодые, понимаем, что нам все дозволено. Ощущение вседозволенности, оно было очень сильным. Вот сейчас уже такого нет... Мы жили в анархии. Если по всем признакам посмотреть, была самая натуральная анархия. Несколько лет. И в чем-то, в чем-то это, конечно, отразилось на нас. Закона не было. Действовал закон, никто не выполнял, и никто не контролировал. Я не знаю, насколько это плохо или хорошо. Сложно судить. Я не могу быть объективным, потому что это касается именно меня...» (М., 48 лет, руководитель, интервью 2017 г.).

В подобных высказываниях описывается эмоциональное восприятие духа той эпохи как общего фона, исходя из которого и формировались индивидуализированные формы приспособления и формировались адаптивные социальные практики, в том числе в сфере производственной деятельности.

Типовые низовые стратегии как ответы на социальную ситуацию нормативной неопределенности

В самом общем виде, эту ситуацию приспособления к социальной неопределенности можно рассматривать как выбор между привычной ориентацией на «статус и социальную защищенность» и новой ориентацией на «деньги и индивидуальный успех» (Goldthorpe, Erikson, 1990). Если первый вариант выбора притягивает к себе с точки зрения гарантии прав на минимальную стабильность и материальную защищенность, то второй вариант — например, переход в нарождавшийся частный бизнес — увеличивал степени риска и нестабильности. Согласно данным массового опроса 2001 г. наличие такого выбора глубоко рефлексировалось в разных социальных кругах, и их баланс в ценностях людей молодых возрастов склонялся в сторону «денег и индивидуального успеха» как новой модели. Но такой выбор существовал только гипотетически.

В реальности же, судя по поведенческим практикам, по данным О. Шкаратана, в обществе превалировала ориентация на социальную стабильность — например, сохранение прежнего профессионального статуса в государственном секторе. Рассматривая изменения в социальной структуре

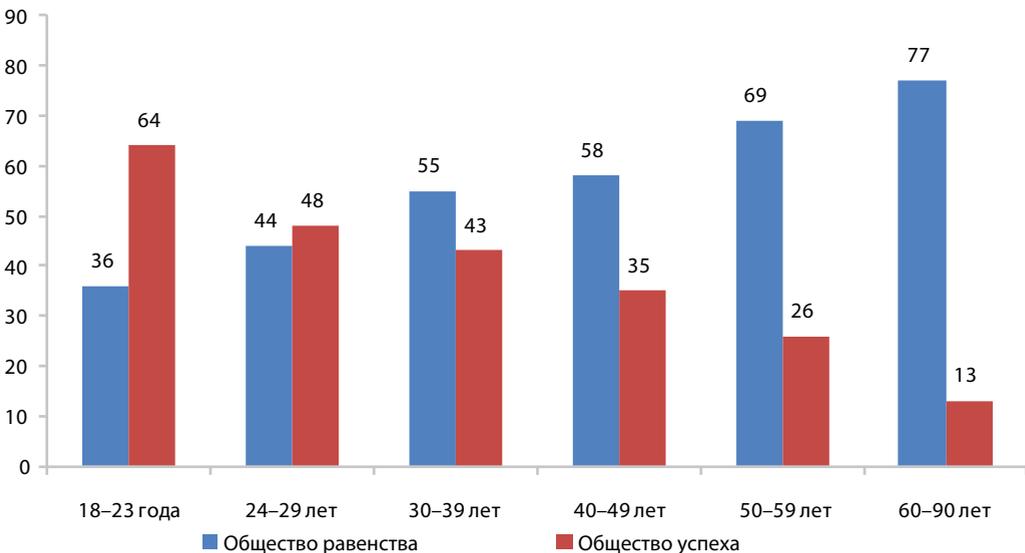

Рисунок 1. Соотношение ориентаций на «стабильность» и «успех» в массовом сознании. Вопрос: «В каком обществе вы хотели бы жить?» ВЦИОМ, Исследование по программе «Советский человек», 1999, всероссийская выборка 2000 респондентов, в% к числу опрошенных в каждой группе (Седов, 2000: 24).

России на протяжении 13 лет (1994–2006) по данным массовых опросов, О. Шкаратан фиксирует, что даже к 2006 г. доля предпринимателей стабилизировалась и вышла на крайне низкий уровень — 4%; после 1994 г. произошло резкое снижение доли высококвалифицированных профессионалов (практически в 2 раза), связанное с масштабной эмиграцией работников интеллектуального труда. О. Шкаратан делает вывод, что динамика социально-профессиональной структуры российского общества, будучи производной от процессов экономико-технологической модернизации, демонстрирует стабильность и консервативность (Шкаратан, 2012).

Таким образом, ситуация неопределенности и смуты, хотя и вызвала к жизни новые импульсы и ориентации на новые социальные ценности, но, в реальности, индивидуальные выборы населения в целом склонялись в сторону инерционного принятия прошлой модели контракта между властью и обществом.

Естественно, в новой исторической ситуации изменились общие параметры и сила их влияния на карьеры на уровне индивидуального, но, вместе с тем, социальные изменения, которые как фон должны были привести к существенным перемещениям в рамках социального пространства и формированию новых нормативов мобильности, в массовом поведении не сработали.

Тот же тренд зафиксирован у большинства респондентов из этой генерации (родившиеся в 1965–1970 гг.), опрошенных в рамках лонгитюдного проекта М. Титмы⁴: приверженность нормативности и единообразию социальной карьеры советского типа, ориентация на стабильность и корпоративную лояльность в обмен на блага не ушли в прошлое и, более того, стали барьером на пути социальных перемещений. Таков социальный контекст ситуации начала 90-х. Для большинства когорты родившихся в 1965–1967 гг. открывшиеся в первой половине 90-х новые социальные возможности и новые социальные траектории оказались невостребованными. Согласно результатам лонгитюдного исследования 1993–1994 гг. в когорте тогдашних молодых тенденция к мобильности, характеризующаяся изменениями в профессиональном положении на пути к рынку, оказалась маловыраженной (Titma et al, 1997).

Наши данные биографических интервью с представителями когорты, собранные в 1994–1995 гг., в массе своей свидетельствовали о том же (Семенова, 2009). В данном социально-историческом контексте открывшиеся возможности профессиональной мобильности, в частности, переход из государственного сектора экономики в частный, на индивидуальном уровне воспринимались весьма осторожно. Можно предположить, что за различиями в выборе стояли даже не идеологические, но, прежде всего, различные социально-культурные ориентации людей, разные социокультурные контексты.

⁴ Массовое лонгитюдное исследование «Пути поколения» под руководством М. Титмы относительно возрастной когорты родившихся в 1965–1967 гг. (Titma, 1997).

Стратегия «шанса»

Вместе с тем, стратегия выбора перехода из государственных структур в класс частных бизнесменов или наемных работников в частном секторе в нашей выборке представлена как стратегия использования возникшего жизненного шанса в ситуации социальной неопределенности и смуты. Для демонстрации эволюционных трендов в восприятии социального контекста на уровне индивидуального обратимся к биографиям тех, кто в этой когорте откликнулся на изменившуюся ситуацию и перешел тогда в разряд предпринимателей. Десять отобранных биографий, в основном предприниматели, демонстрировали восприятие ситуации неопределенности как комплекса рисков, шансов и независимости. Мотивацию их прихода в частное предпринимательство характеризовали следующие позиции:

«...Для меня это был шанс — выиграю, не выиграю...Я начал другую жизнь. Я был служащий, просто наемный рабочий. Вроде бы жалование неплохое получал. В финансовом отношении я для себя пока ничего не выиграл: примерно столько получал, когда уходил. Но выиграл независимость и перспективу. А мне хотелось быть независимым и реализовать свои идеи. Вся идея, собственно, и была — освободиться. Теперь все зависит от меня. И, в этих условиях, для меня есть поле деятельности, шанс: сделаю или не сделаю?...» (М., 23 г., предприниматель, интервью 1994 г.).

Из данного и подобного этому интервью видно, что принятие решения об изменении трудовой карьеры, о переходе с позиции наемного работника на позицию «хозяина»-предпринимателя было стимулировано, прежде всего, личностными факторами: предшествующими жизненными ориентирами, стремлением к личностной самореализации, являвшейся основным критерием выбора. Такой выбор формируется как поиск «своего пути», базирующегося на культуре шанса («смогу или не смогу»). Для описания данной стратегии «ухода» из состояния подчиненности, зависимости от «предначтанности» жизненного пути исследователи все чаще используют термин «рефлексивная (или субъективная) биография», для которой свойственна особая ментальность «сам себе хозяин» и индивидуализированный биографический режим (Согомонов, 2005). При таком режиме главной целью становится активное создание себя, а не путешествие по заданному шаблону от образования к трудовой активности и дальше, к пенсии. «Рефлексивная биография» как понятие означает иной характер субъективного отношения к социально-структурным перемещениям, не всегда предполагающим реальное движение по социальной лестнице. Она включает в себя ряд индивидуальных выборов: индивидуальные риски при принятии решений, отход от стандартов своего класса, долговременная образовательная стратегия, техники саморазвитиясамоконтроль над своей биографией, индивидуальные выборы. Таким образом, здесь у респондентов нет оглядки

на социальный фон, на социальные нормативы, возможности и ограничения, которые накладывает общество: такой тип карьеры складывается, скорее, как личностный проект.

В другом интервью из той же группы «использовавших шанс» мы все же находим рефлексию не индивидуального, но социального мотивирования — рефлексию относительно социальной ситуации и переживание времени как «своего»:

«...а мне кажется, нам... просто время немножко помогло, то есть, вот, закончи мы года там на три-четыре-пять раньше, и никуда бы мы не вошли, а здесь мы просто оказались, вот так вот. Так сказать, совпало. Возможности, да, да, то есть, чего не было в принципе раньше, поэтому, как бы, наше поколение-то было свободно, вот эти ниши сразу и заняли. Потому что, я же вижу, что те... кто старше — из них еще меньше процент ушёл, так сказать, вот в это, в свободное плавание. Вот, про тех, кто пошёл потом (за нами — В. С.), никто не пошел в школу, у них-то уже было совсем другое, то есть они уже... учителями из них не работает никто... Ну, я бы так сказала: мой круг рванул» (Ж., 48 лет, лингвист, интервью 2017 г.).

Логика данного высказывания складывается из конструктов «время немножко помогло» — «совпало» — «возможности» — «свободное плавание».

Если свести содержательные характеристики относительно времени в подобных высказываниях к общему знаменателю, то можно их представить следующим образом: неопределенность и социальная смута переживаются здесь в понятиях «шанса»: «на короткий период общество создало нам возможности для выхода в свободное плавание».

Выстроив по-другому, можно сказать, что общество/время воспринимается как набор возможностей, открывшихся для людей этого поколения. Социальное время, хотя в целом и оказалось достаточно индифферентным к отдельным судьбам, однако создало условия для социальных рисков: если у тебя есть склонности к риску (что видно на примере предшествующего высказывания), то можно этим воспользоваться.

В отличие от большинства «стабильных» в своем поколении, респонденты этого типа отличались высоким уровнем трудовой мобильности: за годы трудовой карьеры до перехода в частный бизнес он меняли место работы 5–6 раз. Такая многократная смена мест работы, возможно, вызвана, во-первых, социальными причинами, такими как социальная не востребованность полученной ими специальности. Система образования, как одна из консервативных систем, оказалась неприспособленной к новым условиям. Вследствие этого, сфера трудовой активности в статусе предпринимателя далеко отстояла от специальности, полученной в ходе образования, а переход в новую сферу трудовой активности происходил без предварительного переобучения. Навыки предпринимательской деятельности или являлись индивидуальной склонностью (хобби) индивидов, или обучение

происходило уже в процессе новой деятельности. Во-вторых, многократная смена работы свидетельствовала об индивидуальной профессиональной стратегии, ориентированной на поиск и риск, а также свидетельствовала о неудовлетворенности полученной профессиональной подготовкой. Таким образом, помимо чисто социальных причин высокая мобильность будущих предпринимателей имела и определенные индивидуально-психологические причины, такие как: склонность к изменениям, новациям, желание попробовать себя в новой сфере.

В отличие от западных стран, где переход в частный бизнес сопряжен, прежде всего, с моментом накопления личного финансового капитала, в России в начале 90-х этот процесс у молодых профессионалов был сопряжен с определенной ценностной мотивацией больше, чем с ориентацией на коммерческий успех: они искали возможности самовыражения и независимости. Чисто коммерческий успех для них, по их словам, имел только вторичное значение. В нашем случае, это видно в схожих высказываниях:

«...это был шанс для меня стать свободным человеком»;

«...я никогда не любил начальников и не люблю, когда мной командуют»;

«...я был неплохим работником и зарабатывал не меньше, чем сейчас.

Но что я выиграл — это независимость и возможность проявить себя»;

«...вся идея именно в том и состояла — стать свободным и самому отвечать за себя».

Возможно, именно в этом и состояло их отличие от более старших возрастных групп предпринимателей того времени: их ориентация на риск, свойственная предпринимательству в целом, в данном случае, совпала с их чисто молодежно-возрастной склонностью к авантуре и поиску, присущей молодости как периоду жизненного цикла.

Все они начинали предпринимательскую деятельность, не имея собственного финансового капитала, с творческой идеи и поиска единомышленников. В ситуации краха первичной идеи молодые начинали предпринимательскую деятельность в другой сфере, но уже не возвращались на государственную службу. Впоследствии их прозвали «предпринимателями-романтиками», поскольку они плохо вписывались в формирующийся класс профессионалов в сфере среднего и малого бизнеса.

В их высказываниях присутствовала не тяга к статусу нанимателя, частного собственника, контролирующего труд наемных работников и жаждущего получения прибыли, но стремление к большей автономности и независимости от контролирующего воздействия государства, предельно регламентирующего труд работника. В появлении в «смутное» время частного предпринимательства они находили возможность уйти от регламентирующего контроля государства и испытывали некую эйфорию свободы, связывая ее с частным бизнесом. Но это состояние оказалось временным, так как ужесточающаяся конкуренция, система налогообложения со временем привели их «романтическое предпринимательство» к краху.

Стратегия стабильности

Ориентация на инерционное воспроизведение позднесоветского типа общественного договора «власть/общество», как мы говорили, была характерна для большей части рассматриваемой когорты. Эти молодые профессионалы предпочитали иметь гарантированную социальную защиту в лице государства в «смутные» времена, чем идти на риск ради высоких заработков. Их позиция мотивировалась следующими высказываниями:

«Возможно, это и неплохо — стать предпринимателем, но это не для меня. Меня с детства учили не гоняться за высокими заработками»;

«Мои родители всегда были честными людьми и меня ориентировали на это. Я не думаю, что большие деньги можно заработать честным трудом».

Большинство молодых взрослых аргументировали такую позицию именно апелляцией к социализирующему влиянию родительского поколения: так учили меня в детстве.

В результате, вследствие такой приверженности инерционной стратегии, ее сторонникам пришлось в начале 90-х пережить потерю основных социальных гарантий (систематическая неоплата труда, увольнения, впервые появившаяся официальная безработица) со стороны государства, но это не поколебало их позиции — ожидание социальной защиты превалировало над осознанием всех возможных рисков.

Одна из «стабильных» респонденток вспоминает теперь:

«Но наступили эти смутные времена... Девяностые, девяносто первый, ужасный. Всё вообще... Девяносто четвертый, что ли... Год какой-то, что нас отправляли на всё лето без содержания. Самый тяжелый экономически был девяносто первый-девяносто второй.. Я помню, отдыхала по три месяца. Без содержания отправляли... Мы всё продали и приехали сюда (в Екатеринбург), с прицелом, чтобы встать на очередь и купить когда-то машину. И у нас были деньги на машину. В девяносто втором году денег осталось на книжке ровно столько, что я купила игрушечную машинку ребенку (смеется). Вот, я помню, Скорая помощь, машинка... Тогда потеряли все средства. Вот знаете, все средства потеряли... Девяносто пятый, наверно, да. А вот нет, потом всё выровнялось... Но, как бы, я уже это пересидела, пережила это всё...» (Ж., 50 лет, инженер, интервью 2017 г.).

Эта стратегия выживания давала свои плоды, особенно в ситуации сужающегося рынка труда, поэтому работники крупных предприятий и придерживались ее, ожидая компенсации за свое терпение в виде ведомственной жилой площади или места в детском саду. Такая психология «маленького винтика» в государственной системе была привычна для массовой психологии «простого советского человека», поэтому и была широко распространена, несмотря на экономически тяжелые времена.

Конфликтная стратегия

В западном контексте различия частного/государственного обычно рассматриваются, прежде всего, в экономических понятиях: как организационные отличия в условиях единой экономической структуры — рыночного типа экономики.

Для России дилемма частное/государственное представляется более фундаментальной. Во-первых, в России профессионалы (интеллигенция) в советский период истории знали только один вид занятости: «работа на государство». Они были зависимы от государства, получали от него все формы социальной защиты, и для них работа на государство означала «служение государству» как в экономической форме, так и в форме профессиональной этики (хотя иногда это и камуфлировалось самим же государством под этическим ярлыком «служения народу»). Формула «служения государству» принижала значение компонентов самостоятельности и ответственности, свойственных «рациональному актору» (эксперту) западного типа, и сводила до минимума функции автономии и контроля. Как результат, профессиональная идентичность формировалась в понятиях «мы» — как группа профессионалов, одинаково зависимых от государства. Даже узкопрофессиональная идентичность отдельных отрядов интеллигенции, специфических по своим клиентским функциям (врачи, учителя, инженеры и т. д.) и формам самоорганизации, была развита слабо (Balzer, 1996).

Работа в частном секторе, на частной фирме в качестве наемного работника являлась новой позицией на рынке труда профессионалов, особенно в провинции. Это новая экономическая и организационная структура, которая еще не выработала свои формы отношений наниматель/наемный работник и своей этики. Она находилась в процессе становления и адаптации к культурным условиям России. Иногда новый стиль менеджмента и трудовых отношений на частных фирмах мог служить причиной неудовлетворенности и ухода с предприятия даже при условии достаточно высоких заработков. Но многие профессионалы того времени считали экономически и морально выгодным сочетать социальную защищенность и гарантированные позиции на государственном предприятии с подработкой на частных предприятиях.

Выбор так называемой «сбалансированной» позиции, как одновременная работа в двух секторах экономики, был типичным для производственной ситуации времени 90-х. Около 20% рабочей силы имели «сбалансированный» статус частно-государственной занятости (Yadov, 2002). Частичная занятость на государственном предприятии поддерживала состояние стабильности и защищенности в условиях непредсказуемой экономики, тогда как профессиональная работа на частном предприятии приносила неплохой дополнительный доход, необходимый для выживания. Однако, в данном случае, как было сказано, интерес представляют, прежде всего, не экономические, но культурные причины подобной «сбалансированной» профессиональной стратегии.

Субъективная значимость колебаний в ситуации выбора

В ситуации экстремального выбора между «частным» и «государственным» можно выделить общие направления различий между трудовыми культурами этих позиций в глазах профессионалов. Различия, как они представлены в интервью, состоят, прежде всего, в **культурной дистанции** между двумя типами занятости.

Таблица 2

Культурная дистанция между «частной» и «государственной» трудовыми культурами глазами профессионалов (по материалам 20 интервью с молодыми профессионалами, 1994–1995 гг.)

ЧАСТНОЕ	ГОСУДАРСТВЕННОЕ
неструктурированная горизонталь	структурированная иерархия
иметь индивидуальные достижения	быть, принадлежать к коллективу
статус ответственности и власти	психологический комфорт
адекватная денежная оценка	неадекватная, нерегулярная оценка труда
труд как результат	труд как процесс
рациональная оценка ситуации	эмоциональная оценка ситуации
иррациональный порядок	нормативный порядок
моральный компромисс	моральный комфорт
неизвестность, враждебность будущего	связь со известным прошлым
преданность фирме и боссу	интерес, креативность

В субъективном восприятии индивидов, избравших конфликтную стратегию, при оценке частной фирмы превалирует оценка «враждебности», хотя она и подается в виде сбалансированной «рациональной» оценки, тогда как при субъективной оценке государственного предприятия превалирует эмоциональное удовлетворение «порядком» и «моральным комфортом». Из этого баланса враждебности/морального комфорта понятен общий скрытый смысл презентации себя в рамках двух производственных ситуаций: если на первом (на частном предприятии) — «я во враждебном окружении», то на втором (на государственном) — «я в своей среде». Причинно-следственные связи такой ситуативной идентичности просматриваются и в следующей оппозиции: ожидание неизвестного будущего, связанного с рисками и «разрывами» предшествующего биографического проекта, — на частном предприятии, и преемственность, и стабильность в связке со известным прошлым — на государственном предприятии. В более широких рамках биографического проекта становится понятным эмоциональный характер описания: это не сопоставление двух производственных ситуаций, а рассмотрение их с точки зрения их места в биографической конструкции.

Частное предприятие вызывает негативную реакцию не просто вследствие «беспорядка» или «иерархии власти» в нем, но с точки зрения его «невписанности» в долговременный биографический проект, несоответствия с предыдущими индивидуальными ожиданиями. Работа на частной фирме означает «разрыв» с привычным, с прошлым.

Если мы переведем эти субъективные описательные сопоставления двух трудовых ситуаций в определенные содержательно значимые концепты, то увидим, что субъективное отношение респондентов-профессионалов, описывающих ту или иную производственную ситуацию, описывает два типа бизнес-культуры, обозначенных в критериях Хофстеда. Очевидно, что эти позиции представляют собой выбор между рыночным и командно-ориентированным типами трудовых культур. Субъективно значимые черты двух производственных ситуаций различаются по линии коллективизм/индивидуализм. Это различие в межкультурных исследованиях обычно рассматривается как наиболее фундаментальное при конструировании типов бизнес-культуры — индивидуально- или коллективистски-ориентированных (Hofstede, 1996; Triandis, 1994).

С точки зрения более общего оценивания рассматриваемой социально-временной ситуации, наиболее важным является тот факт, что при сопоставлении этих двух типов занятости профессионалы **эмоционально выжили** «советский тип» трудовой этики. Хотя рационально подчеркивались возможности и преимущества частной фирмы: статус автономности и ответственности, адекватное вознаграждение за труд и т. д.

Из комментария следует, что, прежде всего, биографические факторы и предшествующий трудовой (и, более широко — жизненный) опыт определяли эмоциональную оценку производственной ситуации. Эмоциональная привязанность к советскому типу бизнес-культуры означает, что генетический код предшествующей культуры по-прежнему был достаточно силен и притягателен, и потому доминировал при трудовом выборе профессионалов. В данном случае, выбор происходил не только по линии психологического выбора между «знаемым прошлым» и «незнакомым и враждебным будущим», но, дополнительно, и как финансово-вынужденный выбор с целью решения своих экономических проблем.

Этот вывод подтверждается и общим фоном исследования. Из всех 60 интервью с молодыми российскими профессионалами только очень узкий сегмент профессионалов смог быстро адаптироваться к западно-ориентированной бизнес-культуре и новой профессиональной этике. Большая часть молодых профессионалов в разной форме воспроизводили традиционные культурные модели советского периода (Семенова, 1997).

Стратегия «силы»

При рассмотрении стратегий выбора в сложной социально-экономической ситуации 90-х нельзя не выделить отдельную индивидуальную стратегию, которая как тень присутствовала в рассказах молодых профессионалов.

Речь идет о той когорте в рамках данной генерации, которая «не стала» молодыми профессионалами. В ретроспективных нарративах молодых профессионалов, опрошенных в 2016–2017 гг., зачастую присутствовал образ сверстника, однокурсника, соседа, которого «уже нет» или «рано ушел из жизни», «я потерял с ним связь, не знаю, что с ним».

Ситуация социальной неопределенности, а также существенное падение престижа образования приводили к социальному уходу молодежи из страты студентов как будущих молодых профессионалов. В отсутствие общепризнанного общественного договора в обществе, как правило, возникают зоны неформальных правил. И, поскольку эти неформальные правила находятся в конфликте с законом, принятым в стране, поддерживаются они не государством, а мафиозными структурами, потому что кто-то должен поддерживать такого рода правила (Аузан, 2015).

Поэтому и возникали в рассказах респондентов образы тех, кто воспринял подобные социальные правила, возникшие в ситуации социального хаоса, и ушел в околоскриминальные структуры.

«...Многие усекли, что можно при минимальных затратах (физических, психологических) получать средства к существованию. Именно к существованию. По тем временам, особенно 91-й и 93-й год, то есть, когда была полная бедность у всех, вся страна была в дерьме. А можно было делать деньги из ничего, абсолютно из ничего. То есть люди могли, и, я думаю, были такие, продавали навоз и становились просто богачами по тем временам. Еще никто не думал, что вот, накоплю денег и вложу куда-то, не было возможности куда-то вкладывать, то есть шел такой вот черный нал. Это понятие именно тогда же появилось. Все расплачивались этими деньгами, а они были какими-то непонятными. Нули какие-то... Вот, и как раз люди, которые обладали этими свойствами пронырливости и прочего, они многие были без образования. Они до этого назывались какими-то фарцовщиками или «утюгами», которые торговали матрешками. А настал их час. То есть они действительно... Там, первые бандиты, которые ходили просто били морды, отнимали деньги, они явно были без образования. Но зато они неплохо себя начинали чувствовать... А вот, начало 90-х, первые годы, там не было вообще ни у кого никаких целей. Цель была одна, то есть люди, которые именно секли момент, они понимали, что этот момент не может продлиться долго. И надо делать быстрее на этом всем капитал, если хочешь. Для меня не существовало таких конкретных целей... У меня были примеры людей, которые уходили в армию в определенные войска — в десантуру — это для меня было очень круто. Они приходили сильные, накаченные, здоровые такие парни, которые сразу же попадали в определенные сферы, вот, где они могли применить не свои мозги, а свою, там, ту же силу, выносливость и прочее и получить за это деньги. То есть это был рэкет. Для меня, для всех, кто тусовался в этой тусовке, это были — ну, боги...» (М., 24 года, журналист, интервью 1995 г.).

В нарративе описывается стратегия смены индивидуальной парадигмы вследствие появления таких зон социального вакуума: социальная повсеместная бедность, падение ценности ума и образования, легкий путь к заработкам через полукриминальную деятельность и рэкет, культ простой физической силы, привлекли часть молодых людей воспользоваться этой лакуной. Такие люди, отринув образовательный путь, пользуясь многочисленными способами обретения силы: «накачивали» свой физический капитал, становились «сильными, накаченными» и использовали этот капитал для быстрого обогащения, ловили момент — «их час настал». К тому же, именно они служили образцом для остальных молодых людей — «для нас они были боги».

Заключение

Время 90-х, особенно первой половины этого периода, стало для молодых временем, которое публицисты отразили в формуле: «легко ли быть молодым». Утеря социальных гарантий со стороны государства и разрушение привычной модели социализации позднесоветского периода, где все было предопределено и нормировано от начала до конца жизненного пути, привели к возникновению в массовых слоях общества разнообразных социальных вербальных ответов, которые можно охарактеризовать как социальные компромиссы. Эти компромиссы, возникшие в атмосфере социальной неопределенности и нестабильности, сочетали в себе в разных конфигурациях как креативные, стабильные, так и полукриминальные черты, заставляли выбирать быстрые, моментальные ответы стратегий «выживания» в ответ на изменяющуюся ситуацию.

Социальные гарантии в области труда, образования, взросления были подорваны. Ценности образования и постепенного вхождения во взрослую профессиональную жизнь не приносили социальных дивидендов. Минимальные стандарты жизнеобеспечения, привычные для поколения отцов, в этот период социальных и экономических кризисов постоянно нарушались.

В этой ситуации только незначительная часть молодого поколения профессионалов (3–4%) использовали стратегию «шанса» как возможность конвертировать свой профессиональный капитал и использовать его полнее и эффективнее, чем это было возможно для них в позднесоветский период, и перешли в статус предпринимателей. Это была именно креативная стратегия, поскольку не совпадала со стандартной стратегией и мотивацией людей, открывающих свой частный бизнес. Это не было стремление «получать прибыль», вкладывая определенный финансовый капитал, но романтическое стремление реализовать свой временной шанс, реализовать определенную профессиональную идею совместно с единомышленниками, освободившись от властного контроля государства.

Стратегию стабильности как типовую матрицу поведения большинства молодых профессионалов нельзя отнести к активным стратегиям: это

модель «подчинения социальным обстоятельствам», несмотря на возникавшие социальные сложности и ослабление предшествующей модели стабильного нормативного порядка, при соблюдении определенных социальных гарантий. Несмотря на постоянные отходы государства от стандарта минимальных социальных гарантий на протяжении 90-х годов, молодые профессионалы инерционно придерживались своей позиции на государственном предприятии. С одной стороны, надеясь на временный характер социальных трудностей, с другой — ориентируясь на сохранение уже привычной модели социальной защиты патерналистского типа, некоторые из социальных благ для своих работников (детские сады, ведомственное строительство жилья), пришедшие из предшествующего периода, на предприятиях, особенно крупных, удавалось сохранять еще долгое время. К тому же, ценностная матрица предшествующего, родительского поколения удерживала молодых людей от ухода от государственного контроля в сторону «свободного плавания».

Около 20% работников середины 90-х сочетали работу на государственном предприятии с той или иной подработкой в сфере частного бизнеса. Эта стратегия сочетания государственной и частной сфер занятости в ситуации социальной неопределенности, в большей мере, была вынужденной для молодых профессионалов, но позволяла выживать экономически: сочетать нерегулярную выплату зарплаты на государственном предприятии с более высокими доходами на частном. Вместе с тем, существенное различие культуры и этики труда в этих двух трудовых сферах становилось внутренним конфликтом профессионала, требовавшим своего разрешения.

Другим аспектом сложного социального выбора в ситуации разрушения старых ценностных матриц стало для профессионалов падение престижа образования, при возникшей социальной иллюзии возможности получения быстрых денег криминальным или полукриминальным путем. Наверное, нет цифр, свидетельствующих о том, какова в молодом поколении доля тех, кто, не став профессионалом, ушел в полукриминальные и криминальные сферы, как и доля тех, кто в результате криминальных разборок рано ушел из жизни, о них только упоминается в нарративах наших респондентов. Но данный аспект необходимо также рассматривать, поскольку он является знаковым свидетельством той эпохи.

Литература

- Аузан А. А. Общественный договор и гражданское общество // Мир России, 2005, № 3. С. 3–17.
- Гордон Л. А., Клопов Э. В. Потери и обретения в России 90-х. Том 2: Меняющаяся жизнь в меняющейся стране: занятость, заработки. Т. 1–2. М: Эдиториал УРСС, 2001.
- Краснов М. Гражданское общество и правовое государство // Общественные науки и современность. 2014. № 4. С. 33–45.
- Седов Л. Проблема смены политических элит: поколение «next» // Мониторинг общественного мнения. 2000. № 3. С. 15–29.

- Семенова В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М: РОССПЭН, 2009.
- Согомонов А. Ю. Генеалогия успеха и неудач. М: Институт социологии, 2005.
- Темницкий А. Л. Социокультурные факторы трудового поведения промышленных рабочих: 1990-е годы // Социологический журнал. 2002. № 2. С. 76–93. <http://ecsocman.hse.ru/text/16214740.html> (дата обращения: 12.05.2019)
- Шкаратан О. Социология неравенства. Теория и реальность. М: ИД ВШЭ, 2012.
- Balzer H. Russia's Missing Middle Class: The Professions in Russian History. NY: M. E. Sharpe, 1996.
- Goldthorpe J., Erikson R. The Constant Flux. Oxford: Clarendon Press, 1990.
- Hofstede G. Riding the Waves of Commerce: A Test of Trompenaars «Model» of National Character // International Journal of Intercultural Relations. 1996, vol. 20, no 2, pp. 189–198.
- Titma M., Kelley J., Tuma N., Sivuha S., Evans M. Subjective Well-being in Post- Communist Society: Data from Nine Nations // Worldwide Attitudes. 1997, vol. 1997–12–28, pp. 1–15.
- Triandis N. Culture and Social Behaviour. NY, 1990.
- Oakeshott M. On History and other Essays. Oxford: Blackwell, 1983.
- Semenova V. On Transition to the Middle Class: Professional Strategies of Young Intellectuals in Russia // Middle Class in East and West. Ed. by M. Kivinen. UK: Dartmouth, 1997, pp. 75–112.
- Yadov V. The research report on the project «Work relations on Russian enterprises». 2002, reprint.

Дата поступления: 10.04.2019

90-s: time through the lens of daily practice of young professionals

DOI: 10.19181/inter.2019.18.6

Victoria Semenova

Semenova Victoria — Ph.D., professor, head of sector for the study of social change by qualitative methods, Institute of Sociology FCTAS RAS, victoria-sem@yandex.ru

The article turns to the daily practices of professionals in situation of 90-s and discusses it in the frame of retrospective analysis. The specifics of the social contract between power and society of that time is understood in terms of the destruction of the previous model and the lack of new practical norms, as situation of uncertainty from point of view of people working in mass professions sectors (“time of troubles”). Social vacuum (or chaos) on the part of social regulation spontaneously (from below) led to the emergence of new patterns of social and labor behavior. These patterns could be considered as strategies constructed by people spontaneously in their daily practice in response to the situation of social uncertainty. Basing on a set of in-depth interview these strategies of young professionals are described here as typical strategies in terms of the using or not-using the sociohistorical situation of social vacuum. The typology consists of the “strategy of social chance”, “the strategy of immobility”, “conflict strategy” and the “strategy of informal rules”. Those strategies analyzed here as individual patterns led later to more mass forms and types of social and labor differentiation in the professional life of this country. The empirical basis for consideration and analysis was taken from in-depth interviews conducted with young cohort in 1994–1996 as direct participants evidence as well as retrospective interviews about that time with representatives of the same cohort in 2017–2018.

Keywords: social contract, sociohistorical situation, young professionals, social practice, social choice, professional strategy

References

- Auzan A. (2005) Obshchestvennyj dogovor I grazhdanskoe obshchestvo. [Social contract and civil society] // *Mir Rossii*, no 3, pp. 3–17.
- Balzer H. (1996) *Russia's Missing Middle Class: The Professions in Russian History*. NY: M. E. Sharpe.
- Goldthorpe J., Erikson R. (1990) *The Constant Flux*. Oxford: Clarendon Press.
- Gordon L. A., Klopov E. V. (2001) Poteri I obreteniya v Rossii 90-h. [Advances and disadvantages in Russia during 90-s]. Volume 2. Menyayushchayasya zhizn v menyayushchejsya strane: zanyatost-zarabotki, Volume 1–2, M: Editorial URSS.
- Hofstede G. (1996) Riding the Waves of Commerce: A Test of Trompenaars 'Model' of National Character // *International Journal of Intercultural Relations*, Vol. 20, no 2, pp. 189–198.
- Krasnov M. (2014) Grazhdanskoe obshchestvo i pravovoe gosudarstvo [Civil society and legal state] // *Obshchestvennye nauki I sovremennost*, no 4, pp. 33–45.
- Oakeshott M. (1983) *On History and other Essays*. Oxford: Blackwell.
- Sedov L. (2000) Problema smeny politicheskikh elit: pokolenie 'next' [The Political elite change: generation-'next'] // *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, no 3, pp. 15–29.
- Semenova V. (1997) On Transition to the Middle Class: Professional Strategies of Young Intellectuals in Russia // In: 'Middle Class in East and West' /ed. by Kivinen M. UK: Dartmouth, pp. 75–112.
- Semenova V. (2009) Socialnaya dinamika pokolenij: problema i realnost [Social dynamics of generations: The problem and the reality]. M: ROSSPEN.
- Shkaratan O. (2012) Sociologiya neravenstva: teoriya I realnost [Sociology of inequality: the theory and reality]. M: Izd. dom Vyshej Shkoly Ehkonomiki.
- Sogomonov A. Yu. (2005) Genealogiya uspekha I neudach [The genealogy of success and unsuccess]. M: Institut sociologii.
- Temnickij A. L. (2002) Sociokulturnye factory trudovogo povedeniya promyshlennyh rabochih: 1990-e gody [Sociocultural factors of industrial workers labor behavior] // *Sociologicheskij zhurnal*, no 2, pp. 76–93.
- Titma M, Kelley J, Tuma N, Sivuha S, Evans M. (1997) Subjective well being in Post- Communist Society: Data from Nine Nations. WwA: Worldwide Attitudes., vol. 1997–12–28, pp. 1–15.
- Triandis N. (1990) *Culture and Social Behaviour*. N.Y.
- Yadov V. (2002) The research report on the project "Work relations on Russian enterprises". Reprint.

Received at: 10.04.2019